

Компот из запретного плода

Александр Убылько

Александр Цыбулько

Компот из запретного (Книга 3)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73531108

SelfPub; 2026

Аннотация

В Заовражье – праздник! Ежегодный фестиваль варенья «Сладкая жизнь» обещает стать главным событием лета. Конкурсы, ярмарки, гости из города и, конечно, море варенья – от классического малинового до экзотического из одуванчиков.

Варя Шишкина выставляет свои знаменитые ватрушки и надеется наконец-то отдохнуть от расследований. Но не тут-то было.

Главный судья фестиваля, столичный ресторанный критик Борис Лаврентьевич Цукатов, найден мёртвым прямо в дегустационном шатре. Рядом – банка с компотом из райских яблочек, которую сварила... Варя.

В компоте – яд. Смертельная доза.

Теперь Варя – главная подозреваемая. Кораблев снова в деревне, «Бабушкин дозор» на тропе войны, а Шницель уже взял след. Конкуренты, завистники, тайны прошлого – подозреваемых хоть отбавляй.

Но самое страшное – кто-то подбрасывает Варю записки с угрозами. И в каждой – цитата из её собственной жизни. Сможет

ли Варя распутать это дело, пока её саму не упекли за решетку?
И при чем здесь компот из запретного плода?

Александр Цыбулько

Компот из запретного (Книга 3)

Книга 3

«КОМПОТ ИЗ ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА»

(Серия «Сыщица Варя и сладкая жизнь», Книга 3)

Аннотация

В Заовражье – праздник! Ежегодный фестиваль варенья «Сладкая жизнь» обещает стать главным событием лета. Конкурсы, ярмарки, гости из города и, конечно, море варенья – от классического малинового до экзотического из одуванчиков.

Варя Шишкина выставляет свои знаменитые ватрушки и надеется наконец-то отдохнуть от расследований. Но не тут-то было.

Главный судья фестиваля, столичный ресторанный критик Борис Лаврентьевич Цукатов, найден мёртвым прямо в дегустационном шатре. Рядом – банка с компотом из райских яблочек, которую сварила... Варя.

В компоте – яд. Смертельная доза.

Теперь Варя – главная подозреваемая. Кораблёв снова в деревне, «Бабушкин дозор» на тропе войны, а Шницель уже

взял след. Конкуренты, завистники, тайны прошлого – подготавливаемых хоть отбавляй.

Но самое страшное – кто-то подбрасывает Варю записки с угрозами. И в каждой – цитата из её собственной жизни. Кто-то следит за ней давно и очень внимательно.

Сможет ли Варя распутать это дело, пока её саму не упекут за решётку? И при чем здесь компот из запретного плода?

Третья книга цикла «Сыщица Варя и сладкая жизнь» – ещё вкуснее, ещё загадочнее и ещё опаснее. И да, рецепт компота прилагается!

Пролог

В котором варенье бывает смертельным

В Заовражье есть две вещи, которыми деревня гордится по праву.

Первая – это, конечно, ватрушки Вари Шишкиной. О них уже слагают легенды, и в прошлом месяце к Варю даже приехал журналист из областной газеты, чтобы написать статью под заголовком: «Деревенский детектив с сладким привкусом».

Вторая – фестиваль варенья «Сладкая жизнь».

Фестиваль придумали лет пять назад, чтобы привлекать туристов. И надо сказать, придумали удачно. Каждое лето в Заовражье съезжались гости из района, из области, а иногда даже из Москвы. Варили варенье, соревновались, кто вкуснее, пили чай на свежем воздухе и разъезжались довольные.

В этом году фестиваль обещал быть особенным.

– Варя, ты только представь! – щебетала тетя Зина, помогая мне раскладывать ватрушки на прилавке. – Сам Цукатов приедет! Борис Лаврентьевич! Из самой Москвы!

– Кто? – переспросила я, поправляя салфеточки.

– Ну ты даешь! Ресторанный критик! У него передача на телевидении! Он всё пробует и потом пишет, вкусно или не вкусно. Если он похвалит наши ватрушки – к нам вся страна поедет!

– А если не похвалит? – резонно заметила я.

– Ну... – тетя Зина задумалась. – Тогда наоборот.

Я вздохнула. Честно говоря, мне эти фестивали были без надобности. Я приехала в деревню за тишиной, а получалось – сплошной детектив. Но отказываться было неудобно: «Бабушкин дозор» уже расписал программу, развесил объявления и даже заказал у местного умельца огромный самовар, который обещали занести в Книгу рекордов Гиннеса как «самый большой самовар в радиусе ста километров».

– А что за компот ты принесла? – поинтересовалась Нина Ивановна, заглядывая в мою корзинку.

– Из райских яблочек, – ответила я. – Бабушкин рецепт. Яблочки маленькие, дикие, их в лесу собирать надо. Очень ароматные.

– Ох, не к добру, – покачала головой баба Маша. – Райские яблочки – они ж запретный плод.

– Баб Маш, ну вы даете! Это ж просто яблоки!

– Просто яблоки, – загадочно повторила баба Маша. – А

компот – он простым не бывает. Помяните мое слово.

Я не придавала значения её словам. И очень зря.

Глава 1

Где Цукатов дегустирует в последний раз

Фестиваль открылся в полдень.

Погода была – закачаешься. Солнце, лёгкий ветерок, ни облачка. На центральной площади выстроились ряды с вареньем, компотами, соленьями и выпечкой. Играла гармонь, дети бегали с воздушными шариками, а бабушки продавали вязаные носки и приговаривали, что «такого фестиваля ещё не бывало».

Я сидела за своим прилавком и улыбалась. Ватрушки разлетались мгновенно. Очередь выстроилась ещё до открытия.

– Варя, дай две с вишней!

– Варя, а с яблоками есть?

– Варя, а секрет в чем?

Я отвечала, улыбалась, продавала. Шницель сидел рядом на специальной подушечке и лениво наблюдал за происходящим. К нему тоже подходили, гладили, фотографировали. Кот принимал это как должное.

– А вот и главный гость! – закричала тетя Зина.

К центральному шатру подъехала черная машина с тонированными стеклами. Из неё вышел мужчина – полный, важный, в белом костюме и панаме. В руках – золотая трость.

На лице – выражение, будто он уже всё попробовал и всё ему не понравилось.

– Борис Лаврентьевич! – кинулась к нему председательша Света (кстати, после истории с убийством писательницы она как-то притихла и больше не лезла в авантюры). – Мы так рады! Проходите, угощайтесь!

Цукатов окинул взглядом ряды, поморщился (то ли от солнца, то ли от вида) и прошествовал в шатёр, где был накрыт отдельный стол для дегустации.

Я вздохнула с облегчением. Главное – чтобы он не подошел к моему прилавку. А то вдруг не понравится?

– Варя, а вы что, не пойдёте представлять свои ватрушки? – удивилась соседка справа, тетя Клава (та самая, которая пирогами мучила Кораблева).

– Нет, я лучше здесь, – отмахнулась я. – У меня и так покупают.

– Зря, зря... Он важный человек. Мог бы и заметить.

Я только плечами пожала.

День катился своим чередом. Гармонь играла, народ гулял, я продала уже третью партию ватрушек. Шницель дремал.

А потом всё изменилось.

– Варя! Варя, беда! – крик тёти Зины пробился сквозь шум толпы.

Я обернулась. Тетя Зина бежала ко мне, размахивая руками. Лицо у нее было такое, какое бывает только когда случа-

ется что-то ужасное.

– Цукатов! – выдохнула она, добежав. – Мёртвый!

Я замерла.

– Как мёртвый?

– Сидит в шатре! Глаза открыты, не дышит! И рядом – банка твоего компота!

Вокруг меня собралась толпа. Все смотрели с ужасом.

– Чьего компота? – переспросила я, чувствуя, как холодеют руки.

– Твоего! Из райских яблочек! Баб Маша говорила – запретный плод! Вот и допрыгались!

Я рванула к шатру, расталкивая народ. Шницель – за мной.

В шатре было полно народу. Криминалистов пока не было, но Кукушкин уже стоял на входе и никого не пускал.

– Варя, не ходи, – сказал он устало. – Опять ты.

– Я не убивала! – выпалила я.

– Знаю. Но компот твой. И на банке – твои отпечатки. И банка твоя, я такую у тебя на кухне видел.

Я заглянула внутрь. Цукатов сидел в кресле, откинув голову назад. Рядом на столике стояла банка. Моя банка. С моим компотом. И пустая тарелка.

– Что он ел?

– Компот пил, – ответил Кукушкин. – Чашку выпил. И всё.

– Компот не мог быть отравлен! Я его сама варила! Только

я знала рецепт!

– А банку кто брал?

Я задумалась. Банку я принесла утром, поставила на стол в шатре, когда помогала накрывать. Там было много всего – и мои банки, и чужие. Любой мог...

– Света! – вспомнила я. – Она помогала накрывать!

– Света – жена председателя? – переспросил Кукушкин. – Которая в прошлый раз...

– Она самая. И у неё мотив.

– Какой?

– Цукатов на прошлой неделе в газете написал про её соленья, что они «недосоленные и безвкусные». Она полдня рыдала, я сама видела.

Кукушкин почесал затылок.

– Мотив – не доказательство. А компот – твой.

– Мой, но не яд! – упрямо повторила я.

Шницель, протиснувшийся в шатёр, подошёл к столу и понюхал банку. Потом чихнул. Потом посмотрел на меня выразительно.

– Что? – спросила я.

Кот подошёл к чашке, из которой пил Цукатов, и ткнул носом.

– Там что-то?

Шницель мявкнул.

Я нагнулась. На дне чашки был какой-то осадок. Беловатый, почти незаметный.

– Кукушкин! – позвала я. – Посмотрите!

Участковый подошёл, нагнулся.

– А ведь не похоже на компот, – сказал он медленно. – В компоте осадка быть не должно.

– Значит, яд был не в банке, а в чашке, – выдохнула я.

– Или в чайнике, из которого наливали, – добавил кто-то сзади.

Я обернулась. В дверях стоял Кораблёв. Усталый, помятый, но с неизменным блокнотом в руке.

– Здравствуйте, Шишкина. Опять вы.

– Я не виновата! – выпалила я.

– Знаю, – вздохнул он. – Вы никогда не виноваты. Но почему-то всегда оказываетесь рядом.

– Это не я, это судьба.

– Судьба, говорите? – Кораблёв подошёл к столу, осмотрел банку, чашку, тело. – Криминалистов вызвали?

– Едут, – отрапортовал Кукушкин.

– Хорошо. А вы, Шишкина, пока рассказывайте. Кто мог взять вашу банку? Кто имел доступ? Кто хотел смерти Цукатова?

– Да половина деревни! – вырвалось у меня. – Он за три дня всех перессорил. Свете соленья раскритиковал, бабе Маше сказал, что её огурцы «вялые», тёте Зине – что пироги с картошкой «пересоленные», а Нине Ивановне – что варенье из смородины «кислое и неинтересное».

– То есть мотив есть у всех.

– У всех, кроме меня! Я с ним даже не разговаривала!

– А компот? Зачем вы его принесли?

– Это традиция! Каждый участник приносит что-то для дегустации. Я принесла компот, потому что ватрушки – это моя выпечка, а компот – это напиток. Чтобы все могли попробовать.

– И многие пробовали?

– Не знаю. Я поставила банку и ушла к своему прилавку. Больше не подходила.

Кораблев задумался.

– Значит, яд мог быть добавлен в чашку в любой момент. Или в банку, но тогда пострадали бы все, кто пил.

– А пили?

– Цукатов пил один. Он вообще пил только из своей чашки, ему отдельно наливали.

– Кто наливал?

– Света, – подал голос Кукушкин. – Она за старшую была в шатре. Следила, чтобы всё было чинно.

– Опять Света, – вздохнул Кораблев. – Где она?

– Убежала, – сказал кто-то из толпы. – Как узнала, что Цукатов мёртвый, так сразу убежала. К мужу, наверное.

– К председателю? – уточнил Кораблев. – Вызывайте. Пусть придёт.

Через полчаса Света сидела в том же шатре, только теперь уже не как хозяйка, а как подозреваемая. Вид у неё был заплаканный и перепуганный.

– Я не убивала! – твердила она. – Честное слово!

– А кто наливал чай?

– Я наливала. Но я не сыпала ничего!

– Откуда вы наливали?

– Из чайника. Там кипяток был. А компот – из банки, которую Варя принесла.

– Банку открывали при вас?

– Нет, она уже открытая стояла. Я думала, Варя открыла.

– Я не открывала! – возмутилась я. – Я поставила запечатанной! У меня крышка была закручена!

Все переглянулись.

– Значит, кто-то открыл банку до того, как Света наливала, – резюмировал Кораблёв. – И мог добавить яд прямо в банку. Или в чашку.

– Или в чайник, – снова подал голос кто-то.

– Чайник проверьте, – скомандовал Кораблёв.

Криминалист, уже приехавший и возившийся с телом, взял пробу из чайника.

– Чисто, – сказал он через минуту. – Вода обычная.

– А в банке?

– Пока не знаю. Надо в лабораторию везти.

– Значит, или в банке, или в чашке, – подвёл итог Кораблёв. – Или вообще в другом месте. Светлана Петровна, вы пока свободны. Но из деревни – ни ногой.

Света всхлипнула и убежала.

Я осталась стоять, глядя на банку с компотом. Райские яб-

лочки. Запретный плод. Баба Маша как в воду глядела.
– Шишкина, – позвал Кораблев. – Идемте. Поговорим.
– Куда?
– Ко мне в номер. Или к вам. Там разберёмся.
Я вздохнула и пошла за ним. Шницель – за мной.
Впереди было новое расследование.

Глава 2

Где «Бабушкин дозор» собирает улики

К моему дому мы подошли уже в сумерках. Фестиваль свернули, народ разогнали, площадь опустела. Только гармонь валялась забытая у забора, да воздушные шарики застряли в ветвях берёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.